

— Скажи мне, Солус, как развлекаются Римляне? — спросила Селена, лёжа на животе в постеле покойного кириоса, пока я медленно расхаживал по комнате. Её ноги лениво болтались за спиной. Мы разговаривали уже несколько часов, пока я ждал возвращения Сорей с новостями о выживании Грифона.

Алый Оракул была невероятно голодна до рассказов о жизни за пределами Города Полу-Шага. Она охотно слушала моё описание Рима, каким его знал Римлянин, и противопоставляла это тому, что ей рассказывали о Республике, как Греку. Она не стеснялась указывать на сходства между её городом и моим, когда замечала их, и была ещё быстрее, чтобы спросить о различиях в нашем образе жизни.

Мне с самого начала показалось, ещё тогда, когда мы впервые заговорили друг с другом на том плато – окружённые посвящёнными Культа Бушующего Неба, но при этом в полном одиночестве, – что она замкнутая девушка. Я полагал, что это больше связано с её отцом, чем с чем-либо ещё, но потом я узнал, что она – Оракул. Это невозможно было не заметить, если знать, что искать. Селена была девушкой, к которой ни один обычный мистик не мог приблизиться даже для простого разговора. Те, кто мог позволить себе находиться в её обществе, были, в силу своей власти и влияния, гораздо старше и гораздо менее приятны, чем требовалось девушке её возраста в качестве друга.

Чем больше мы разговаривали, тем больше я замечал, что делюсь с ней по-настоящему болезненными воспоминаниями. Те, которые жгли, как свежие раны, потому что они были настолько малы, что я мог позволить себе не вспоминать о них каждый день. Тысяча тысяч мелочей, которые заставляли меня гордиться тем, что я называю себя Римлянином. Бесчисленные осколки сверкающей, переливающейся мозаики, из которых складывалась Республика.

Селена с искренним благоговением принимала эти незначительные воспоминания, не имеющие смысла для того, кто не жил ими. И от этого было слишком легко продолжать рассказывать ей о них.

Как развлекаются Римляне? Я задумался над этим вопросом.

— Игры, — сказал я, потому что это было первое, что пришло мне в голову. — Самым большим зрелищем были гонки на колесницах. Мой отец всегда резервировал лучшие места на углах трассы, где гонки были самые смертоносные. Гонка считалась скучной, если к последнему кругу не разбились хотя бы три колесницы.

— Я бы и не подумала, что гонки были любимым развлечением Рима, — с интересом заметила Селена.

Я язвительно посмотрел на неё, опираясь половиной своего веса на бронзовое копье Вёрона: «И почему ты так думаешь?»

— Ну... — Она засунула палец за золотистую вуаль и приподняла её настолько, чтобы на меня взглянул один алый глаз. Её Героический огонь озорно горел. — Я пока что встречала только одного Римлянина, и он, похоже, подходит под общее мнение.

— Мне нравятся игры, как и любому другому человеку, — возразил я. — На самом деле, мне они нравятся ещё больше. — Она услужливо улыбнулась и опустила вуаль.

— Я верю тебе, Солус. Я просто удивлена. Я ожидала более жестокой игры, если честно.

— Колесничим разрешалось хлестать своих соперников кнутами, — признался я.

Её улыбка стала глубже: «Понятно».

— В любом случае, — сказал я, отмахнувшись от этой мысли. — Простые вещи всегда приятны. Горячая и холодная ванна, послеобеденное время на скачках или игра в кости с друзьями, а также любой вид спорта, оказавшийся под рукой.

— Какая игра была твоей любимой, когда ты жил там? — спросила она, наклонив голову. Затем, слегка приподнявшись, она добавила. — И сможем ли мы сыграть в эту игру здесь?

У меня всё ещё были мои костяшки, и я подозревал, что у покойного кириоса в его поместье могли быть всевозможные настольные игры и диковинки, если то, что мне рассказал о нём Грифон, было правдой. Но вопрос заключался в том, какая игра была моей любимой.

— Моей любимой игрой была - *Lusus Troiae*, — сказал я и покачал головой. — Но это не то, во что могут играть два человека.

— Игра в Трою, — пробормотала она, разочарованная и любопытная в равной степени. — Как в неё играли?

— Официально? *Lusus Troiae* – это игра маневрирования, скорее общинное испытание мастерства, чем соревнование. — Я приостановил шаг, позволив каденции, которую я мысленно напевал, затихнуть и тяжело вздохнул, когда пульсирующая боль в левой ноге снова вышла на поверхность моих мыслей. — В честь победы, в знак уважения к кончине государственного деятеля или в ознаменование новой святой земли, игры вызывали память как о настоящем, так и о самом далёком прошлом – о войне, положившей начало Республике.

— Общинная проверка мастерства, — размышляла Селена. — На что это похоже?

Я глубоко вдохнул, ощутив стук шагов конников и барабанный бой их безупречных построений.

По трое в каждом ряду разделился строй, и немедленно

Два полухория врозь разъехались; после, по знаку,

Вспять повернули они, друг на друга копыта наставив,

— Три эскадрона конной Кавалерии по пятнадцать человек в каждом, — перечислял я, закрыв глаза и наблюдая за происходящим. — Двенадцать всадников, два оруженосца и командир, который их ведёт. Всего сорок пять человек и их боевые кони. Мы называем это Игра в Трою потому что то, что они делали, было больше, чем просто представление. — Я улыбнулся, потому что восхищение всё ещё оставалось. Даже воспоминания были ослепительными.

Встретились, вновь разошлись и опять сошлись на широком

Поле; всадников круг с другим сплетается кругом,

Строй против строя идёт, являя битвы подобье.

Вот одна сторона убегает, а вот, повернувшись,

С копьями мчится вперёд; вот обе смыкаются мирно,

Рядом летят...

— Они воевали между собой, эти сорок пять человек. Они оживили Битву под Троей, не пролив ни капли крови, — рассказывал я. — В мою бытность молодым патрицием в Риме, а затем, как молодой офицер в легионах Гая, я не раз видел *Lusus Troiae* в действии. Каждое событие было столь же вдохновенным, как и предыдущее. Это никогда не устаревало. Согласовать действия сорока пяти человек в таком сложном строю уже достаточно сложно. Но сделать это на коне, перед самой требовательной аудиторией Республики? "Невероятно" было слишком слабым словом для такого подвига.

— Звучит впечатляюще, — согласилась Селена. — Но это не та вещь, в которую можно сыграть по желанию. Как часто тебе удавалось это сделать?

Я горько усмехнулся: «Никогда. Я всегда был наблюдателем».

Мне было слишком мало лет, когда я бродил по улицам Рима. А после у меня уже никогда не было времени.

— Твоя любимая игра - та, в которую ты никогда не играл? — спросила Селена, сурово нахмурившись. — Это совсем несправедливо. Это так же очень грустно!

— Я сказал, что это была официальная *Lusus Troiae*, — поправил я её. — И она остаётся одной из моих любимых и по сей день, наблюдатель или нет. Но в детстве мне больше всего нравилась неофициальная Игра в Трою. Та, в которую играли и юные патриции, и уличные крысы, пока взрослых не было дома.

— О? — Она наклонилась вперёд, предвкушая.

— Через некоторое время после моего знакомства с Аристотелем, — пояснил я, — карманник, из-за которого мы встретились, познакомил меня с детской версией *Lusus Troiae*.

На мгновение боль в теле показалась мне ласковым воспоминанием о долгих полуднях в переулках и на улицах Рима. Я покачал головой.

— Мы формировали две команды из детей, одна из которых всегда была больше другой, и если взрослые предпочитали воссоздавать войну в её лучших проявлениях, передавая суть военной изобретательности без сопутствующего кровопролития, то мальчишки Рима делали всё с точностью наоборот. Мы проводили линию в грязи, и большая команда делала всё возможное, чтобы перетянуть меньшую за эту линию. Тактика была минимальной, если она вообще была. Кровопролитие и сломанные кости были обычным явлением.

Селена хмыкнула, наклонив голову: «Думаю, я догадываюсь, в какой из этих двух команд ты предпочитал быть».

— Одержать победу перед лицом подавляющего числа, — размышлял я. — В этом суть Рима.

— А как победить меньшей команде? Перетащить большую команду через линию?

— Нет, официальная игра в Трою — это ода координации, а игра мальчиков — наоборот. Единственный способ победить — это быть последним, кто стоит на твоей стороне линии.

— И как часто ты выигрывал, Солус? — спросила меня Алый Оракул. Я оглянулся на неё и слабо улыбнулся.

— Каждый раз.

Так мы и продолжали, обмениваясь историями до самой ночи, пока я ждал возвращения Сократа или моего орла, в зависимости от того, что наступит раньше.

В итоге, к радости Селены и моему тихому облегчению, это был последний. Орёл-посланник приземлился на поднятое острие моего копья, извергнув в мою раскрытую ладонь послание, а также кучу чернильно-чёрных вороньих костей. Развернув папирус и начав читать, я зубами расколол кость и высосал из неё костный мозг. Сила звёздного света устремилась по новым каналам в моём теле, каскадом обрушиваясь на мою левую ногу и излучая ужасный жар, когда она начала свою кровавую работу. Это не было немедленным решением проблемы, но любая помощь была желанной.

— Солус, — сказала Селена, и я поднял голову, чтобы увидеть, как она поднимается с кровати, склонив лицо к оставшимся костям в моей руке. — Что это?

Я бросил ей одну, и она стала жонглировать ею между руками, как будто она горела.

— Мы с Грифоном считаем их частью влияния Тиранов, — пояснил я, выплюнув осколки костей на бесценный пол кириоса из слоновой кости и золота, и вышел во двор храма. — Они мерзкие на вкус и горят когда глотаешь, но они лучше, чем сухой паёк.

Алый Оракул некоторое время рассматривала полуночную кость в своей руке, прежде чем засунуть её в складку своего одеяния. Она тихо вздохнула и покачала головой: «Ты не проживёшь долгую жизнь, если будешь продолжать в том же духе, Солус».

Это была самая божественная мудрость, которую я когда-либо слышал.

Сол,

Как и всегда, мне приятно слышать твой голос, даже если я его только представляю. И, если быть честным, возможно я даже предпочитаю тебя, который существует во мне.

Тебе будет приятно узнать, что я принял близко к сердцу урок твоего прапрапрамастера и с тех пор продвинулся на второй ранг Софического Царства. Так что, пожалуйста, при первой возможности передай Сократу мою благодарность. Думаю, молния невзгоды сможет передать мою благодарность достаточно хорошо. В противном случае ты можешь сообщить великому философу, что он уродливый сукин сын и что я намерен ударить его в горло, когда мы встретимся в следующий раз.

Я жду твоей компании вместе с нашими героическими друзьями, силой которых я давно восхищаюсь. Возможно, пока твой прапрапрамастер раскрывает тебе секреты творения, я смогу кое-чему научиться у этих великих легенд. Если, конечно, они найдут в своих сердцах мужество необходимое, чтобы противостоять тирану, известному как реальность.

Учись быстрее и поспеши назад, никчёмный Римский мастер.

Всегда,

Грифон

Я прочитал сообщение, доставленное моим добродетельным зверем, а затем прочитал его вслух для Селены. К концу послания она начала хихикать, и я сам не смог отказать себе в лёгкой улыбке.

— Этот Грифон – твой спутник, о котором говорил Сократ? — спросила она, и я кивнул. — Я так понимаю, он, на самом деле, не твой ученик.

Я пожал плечами: «Мы выросли в разных мирах. Я не настолько силен, чтобы стоять над ним как наставник, и он тоже, но есть некоторые области, где я – мастер».

— И есть некоторые, в которых мастер он, — закончила она. Я кивнул. — Думаю, я хотела бы с ним встретиться. Нет, я знаю, что хотела бы.

Я рассматривал одеяние Алого Оракула, шёлк цвета зари: «Думаю, он почувствует то же самое».

Я сложил письмо и положил его в мою тень, поглотил остатки чернильно-чёрных костей, впитав их звёздный костный мозг, и крепче сжал бронзовое копьё Вóрона.

Я начал напевать под нос очередную каденцию, шагая по дорожке из слоновой кости и золота, и через мгновение Селена присоединилась ко мне. Впервые с тех пор, как мы прибыли на берег, как бы парадоксально это ни было, будучи калекой и пленником, я расслабился. Напряжение ушло, и на его место пришла цель. Всё пошло не так, как я предполагал, но это был факт жизни, к которому я слишком привык за прошедшие годы.

Важно было то, что я нашёл наставника и могу начать двигаться вперёд к тому, что Грифон называл моим "безнадёжно мрачным будущим". Мой неумолимый спутник был жив, здоров и сильнее чем прежде. На данный момент я мог избавиться от груза, который Олимпия взвалила на мои плечи.

Конечно, легионы с самого начала научили меня, что такие моменты редко бывают продолжительными.

Сорея первым заметил незваного гостя, пронзительно закричал и угрожающе распахнул крылья, всё ещё сидя на моём копьё. Селена мгновенно оказалась рядом со мной, в её руке неожиданно появилось собственное копьё, его древко было сделано из белого тиса, увенчанное бронзовым наконечником, всё оружие было покрыто резными изображениями войны и трагедии. Шёлковые одежды с тихим шёпотом упали на пол, обнажив богато украшенные бронзовые доспехи, которые она носила под ними.

Я настороженно вздохнул и выпрямился во весь рост, заставляя левую ногу принять на себя мой вес. Я отбросил боль и немощь, вещи, на которые у офицера никогда не было времени, и с суровой выправкой встал перед аркой.

— Выходи, — потребовал я, и, как ни странно, кто-то вышел.

Скифас появился из пустого воздуха, уже сделав три шага во двор покойного кириоса, и уронил свой меч на мозаичный пол. Он музыкально звякнул, звук каждого удара почему-то превращался в свистящий звон, когда долетал до моих ушей.

— Солус, — хрипло сказал он, и я увидел мешки под его глазами. Ореховое пламя его сердца слабо мерцало, золотые угли потускнели до медных. Я сразу же узнал выражение его лица.

Это была такая усталость, которую не мог исправить сон.

Герой Культа Воющего Ветра упал на одно колено, стиснув зубы. Он стыдливо склонил голову.

— Они велели мне убить тебя, — признался он. — Я был недостаточно храбр, чтобы отказать. Но как я могу убить тебя, когда ты был рядом со мной? Когда ты был сильным, в то время пока я был слабым?

Селена медленно вздохнула рядом со мной и сделала шаг вперёд. Она медленно протянула тонкую руку и положила её на макушку головы Скифаса. Он никак не отреагировал, только вздрогнул и заскрипел зубами.

— Осторожно, культиватор, — тихо, с грустным сочувствием сказала она. На моих глазах любопытная и яркая девушка, с которой меня познакомили, потускнела и превратилась в нечто более глубокое. — Твоё сердце не принадлежит тебе.

— Скажи мне, что это неправда, Солус, — взмолил он, не встречаясь со мной взглядом. — Скажи мне, что ты не выступаешь против старейшин. Скажи, что ты не голодный Вóрон.

Медленно, стараясь не выдать своей боли, я опустился на колени перед Героем косящего ветра.

— В ту ночь не я сделал первый шаг, — напомнил я ему. Не жестоко. Без особого пыла. Но он всё равно вздрогнул, тёмно-каштановые локоны волос, матовые от пота, нависли над его глазами. — Я только дал тебе увидеть несправедливость, что уже была. Я лишь последовал за тобой.

— Я не хотел охотиться, — запротестовал он. — Я только хотел спасти Джейсона. Я только хотел спасти кого-нибудь, хотя бы раз.

Я нахмурился и посмотрел вверх, на вуаль цвета солнца Алого Оракула. Я наклонил голову назад, в сторону её личных покоев в поместье кириоса. Её губы сжались. После долгого раздумья она склонила голову в кивке.

— Зачем ты здесь, Скифас?

— Я же сказал тебе. Тиран Алеуас хочет твоей смерти...

— Не здесь, не в этом дворе, — сказал я. — Почему ты здесь, в этом городе? Что делает герой в самом безопасном городе мира, в то время как там ещё есть люди, которых нужно спасти?

Монстры, которых нужно убить?

Когда он отказался или не смог ответить, я высказал своё предположение. Я озвучил тенденцию, которую заметил среди всех наших спутников. Красная нить, которая связывала нас всех.

— Ты сбежал, — я тихо осудил его. Скифас жалко кивнул. — Ты хотел спасти кого-то, снова стать самим собой. Я могу это уважать. Я могу даже восхищаться этим. Но недостаточно быть собой один раз. Ты должен быть собой каждый день, каждый час, каждый миг. Ты не можешь позволить себе быть меньше, когда мир нуждается в том, чтобы ты был больше.

Он посмотрел на меня, и в его глазах стояли слезы.

— Как я могу? — спросил он, измученный. — Как я могу быть героем сейчас, когда я имел наглость быть трусом, когда я был нужен? Когда я должен был быть храбрым?

Как и с Джейсоном до этого, я смотрел в зеркальное отражение и чувствовал ярость от того, что оно мне показывало. Я напряг челюсть и поднялся на бесполезные ноги, вытянув руку. Скифас уставился на неё, как на живую змею.

— Ты задаёшь неправильный вопрос, — грубо сказал я ему. Эти сломанные глаза уставились в мои. С запозданием, я почувствовал руку Селены на моей спине, поддерживающую меня. Как и всегда, есть кто-то ещё, кто помогает мне стоять. Как и всегда есть ещё одна душа, что стоит рядом со мной, чтобы помочь мне сделать то, что я должен был сделать сам.

— Вопрос, который ты должен задать себе, — "как ты можешь быть кем-то ещё?"

Скифас смотрел на меня, и я увидел, что он стоит на грани отчаяния.

— Что они на тебя имеют? — спросил я. Первое Копьё Пятого как-то сказал мне, что мужчинам не нужно считать тебя мягким, чтобы довериться тебе. Им не нужно было утешение или успокоение. Им было достаточно знать, что ты готов пойти на войну ради них. Им достаточно знать, что ты готов вырвать глотку за тех, кто находится под твоей опекой.

— Я помолвлен с его дочерью.

Ах.

— Ты заботишься о ней, — сказал я. Он не сказал "да". Ему не нужно было. — Что ещё?

Его пневма пульсировала и напрягалась вокруг него: «Мой брат. Мой брат у них. Они забрали его в Культ Воющего Ветра, в личную опеку самого кириоса. Они забрали моего брата, и каждый день они пытаются настроить его против меня. Они забрали мою семью, Солус».

— Тогда убей меня.

Он встретил мой взгляд с отчаянием.

— У тебя есть два варианта, — сказал я ему, подавив в себе сочувствие. — Ты можешь подчиниться, сейчас, завтра, послезавтра, и каждый день после, и молиться на милосердие Тирана. Ты можешь сделать то, что они тебе скажут, и убить меня там, где я стою. Возможно, этого даже будет достаточно, чтобы уберечь тех, кто тебе дорог.

— Или.

Я сжал вытянутую руку в кулак и поднял его на ноги Гравитасом.

— Ты можешь стоять, — сказал я яростно. — Ты можешь сражаться. И ты можешь вернуть то, что принадлежит тебе. Ты не можешь жить обеими жизнями. Так какой же будет твоя? Будешь ли ты рабом? Или ты будешь Скифасом? Что говорит твоё сердце?

Он встал, опираясь на свою силу. Неуверенно, он протянул мне руку.

— Оно говорит, что я потерян, — прошептал Скифас.

— Береги себя, культиватор, — сказала Селена. — Ты можешь быть потерян.

Я взял его руку и крепко сжал её.

— Но ты больше не один.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3488167>